

ТАТЬЯНА ФРОЛОВА: «МЫ ТАМ — КАК ЗАВАЛЕННЫЕ ЛАВИНОЙ»

БЕСЕДУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЯ ТРОПП

Создатель и руководитель театра КнАМ режиссер Татьяна Фролова утверждает, что ее мало кто знает в России. Действительно, из центральной России добраться до этого крошечного театра нелегко: часов 8 лететь до Хабаровска, оттуда еще столько же ехать поездом до Комсомольска-на-Амуре. И даже если добрался, необязательно попадешь на спектакль: может быть, в КнАМе идет репетиционный процесс, а может быть, театр гастролирует в Европе, показывает свои работы на каком-нибудь фестивале во Франции или Германии... Парадоксальная ситуация: Комсомольск, оказывается, ближе к Парижу, чем к Москве и Петербургу!

Один из самых передовых, ищущих, постоянно обновляющих театральный язык коллективов настолько редко оказывается в поле зрения отечественного театроведения, что текстов о нем на русском языке почти нет. «Петербургский театральный журнал» писал о спектаклях КнАМ «Персональная война» и «Я есть» (№ 72, 73), а также о постановках Фроловой в других театрах («Западная пристань», № 61, «Преступление и наказание», № 69), но, к сожалению, освещать и анализировать поиски этого режиссера и ее театра регулярно у нас нет возможности. Поэтому, встретившись с Татьяной Фроловой на IV Дальневосточном театральном форуме в Южно-Сахалинске, я решила воспользоваться редчайшей возможностью и добыть сведения о театре КнАМ из первых рук.

Татьяна Фролова Театр у нас маленький, может быть даже самый маленький в России — 26 мест. В 1985 году мы создали КнАМ как площадку для собственного

эксперимента: если в Комсомольске-на-Амуре не заниматься творчеством, можно просто сойти с ума. Нас мало кто знает: наша работа скрыта от критики, потому что редко кто-то приезжает и может увидеть наши спектакли. Нам повезло, что в 1998 году нас посетил парижский критик Жан-Пьер Тибода, к которому случайно попал буклет нашего театра, — с тех пор он пристально следит за нами. А о себе мы узнаем больше из французских исследований: французы очень интересуются нашей работой: ими опубликовано уже несколько научных трудов.

Евгения Тропп Прицельно пишут о вашем театре?

Фролова Да, и это так интересно! Они изучают наш метод работы, исследуют специфику наших спектаклей. По их мнению, самое главное для нас — это свобода и время. КнАМ — независимый театр, мы всегда делаем только то, что хотим. Мы не получаем зарплату, никто никого не заставляет делать что-то — мы реально свободны в своем творчестве. И еще — у нас нет временных рамок, мы можем делать спектакль полгода, 9 месяцев, сколько потребуется: у нас нет сроков выпуска — и в этом наше огромное преимущество. И еще одна особенность КнАМа — мы команда, почти 30 лет работаем вместе. На сегодняшний день нас пятеро.

Раньше было 9 человек, но постепенно люди вынуждены были покинуть театр: рождались дети, нужно было зарабатывать и отдавать приоритет семье. Многие остались близкими друзьями — они по-прежнему рядом, но сейчас именно пять человек составляют театр. Я даже не могу сказать, что это «театр» в привычном понимании слова. Скорее, это «арт-группа» в современном смысле. До 2002 года мы работали как репертуарный театр, но сейчас у нас другой ритм: пока мы готовим премьеру — мы больше ничего другого не делаем, репетиции занимают все наше время, мы много спорим друг с другом — ведь коллективный метод создания спектаклей очень непросто... У нас до сих пор такие жаркие споры!

Тропп Когда премьера готова, вы только ее играете?

Фролова Да, играем несколько спектаклей. Я предпочитаю выпускать спектакль «сырым», свободным, с возможностью его доделывать, развивать, что-то менять. И здесь начинается финальный этап нашей работы — после каждого спектакля мы проводим обсуждение со зрителем. Этот этап длится около года: мы играем спектакль и получаем обратную связь, что-то переделываем — снова пробуем на зрителе. И вот благодаря этой обратной связи мы достигаем интересных

результатов. Можно сказать, что у КНАМа очень большая зависимость от зрителя (эту нашу особенность, «фишку», отмечают западные аналитики). В Европе только-только начали изучать эту связь между зрителем и спектаклем, а мы давно этим занимаемся.

Тропп Ваш театр — это такая форма жизни...

Фролова Скорее, форма сопротивления долгой, очень холодной зиме — когда бежишь от магазина к магазину, чтобы согреться... Очень тяжело здесь жить, знаете ли... Мне еще повезло, что я женщина и мало кто меня воспринимает всерьез.

Тропп «Повезло» в прямом смысле?

Фролова Ну да. В 2012 году мы сделали политический спектакль «Я есть», и, когда показывали его в Женеве, его посмотрел Олег Кашин, который в это время там находился. И он сказал: «Такое невозможно увидеть в Москве!» Может, у меня больше смелости, чем у мужчин-режиссеров, а может, потому, что я живу так далеко от Москвы и в зале всего 26 мест, но почему-то мне удается делать то, что я хочу...

Тропп Вы ставили спектакли в Комсомольском театре драмы; я видела вашу «Западную пристань» в «Тильзит-театре» в Советске... Почему бы сейчас какому-нибудь российскому театру не пригласить вас на постановку?

Фролова Меня не знают, я же из Комсомольска — это звучит как приговор. Сахалинский «Чехов-центр» приглашал, но у меня пока не получается. Они хотят, чтобы я сделала документальный проект, ведь КНАМ много работает с документом, но не так, как Театр.doc. Мы с Михаилом Угаровым в 2011 году были участниками международной конференции в Нанси, и каждый из нас рассказывал о своем методе. И оказалось, что это два противоположных подхода! Михаил придерживается позиции «ноль», сознательно отказываясь от сценографии, театрального света, постановочных мизансцен. У нас — все наоборот. Мы не отказываемся от театра, от художественных средств. Мы много фантазируем и экспериментируем. Воздействуем на все пять чувств. Мы используем даже запахи.

Тропп Интересно как?

Фролова Ну, например, в 2006 году мы работали над пьесой «Сухобезводное» Ольги Погодиной-Кузминой. Ездили в этот поселок в Нижегородской области, сделали видеодокументацию для спектакля и, конечно же, попробовали там хлеб, о котором много говорится в пьесе. И вот когда в спектакле вы видите на видео именно тот хлеб из Сухобезводного, актриса разламывает горячий хлеб из Комсомольска — и вы слышите запах свежего хлеба.

«Преступление и наказание». Сцена из спектакля.
© Pascal Gely

«Кafka для чайников». Сцена из спектакля.
Фото из архива театра

«Моя мама». Сцена из спектакля.
Фото из архива театра

У зрителя — тысячи ассоциаций, воспоминаний о родине, о детстве... Мы возили этот спектакль во Францию и в Сингапур, играли в больших залах — зрители были в восторге.

Тропп Как же в большом зале сделать так, чтобы зритель дышал этим хлебным запахом?

Фролова Конечно, нас спасли современные технологии: хлеб подавался на полотенце, пропитанном ароматизатором, идентичным запаху хлеба. Под воз-

действием этого аромата зрители оказываются как под гипнозом. В спектакле 2007 года «Кafka для „чайников“» мы использовали запах бензина: Kafka во время всего спектакля «жил» на столе, это было его пространство, и в финале, когда стол Kafka обливали «бензином», чтобы сжечь, — зрители чувствовали этот запах! На стол ставилась зажигалка zippo с открытым огнем. Иллюзия была такой, что во время спектакля одна зрительница закричала: «Это опасно!», выбежала на сцену и потушила зажигалку...

Тропп Конечно, она испугалась — все рядом, помещение маленькое.

Фролова Мне нравится такая вовлеченность зрителей. Сейчас в наших постановках часто нет сюжета как такового. На самом деле сюжет для меня — такая «попсовая» вещь. Нам интересней работать с «кусками», фрагментами и потом связывать их между собой. А еще — с деталями, вещдоками, тенями и «крупным» киношным планом. Мы с 2001 года начали работать с видео. Камера всегда живая, почти нет записанного «декоративного» видео, исключение составляют свидетельства или интервью...

Тропп Не совсем поняла, как это — нет записанного видео?

Фролова Вот, например, в «Персональной войне», спектакле про войну в Чечне по прозе Аркадия Бабченко, я документировала рассказы прошедших войну, снимала крупный план автора... Но в последнее время даже это мне уже кажется нарочитым и малоподвижным. Для нас сейчас интересно делать все «в прямом эфире». Конечно, мы используем свет. Самые разные источники — маленькие фонарики, нетеатральные лампы, даже горящие спички... Я обожаю свет! Не понимаю, как без света можно создать атмосферу спектакля. Ну что — просто сесть, читать текст? — и 90 процентов атмосферы, которая в театре является основой, ведь именно она помнится долгие годы, — исчезнет...

Тропп Вы ищете особый способ актерского существования?

Фролова В документальном театре, безусловно, требуется специфическая актерская игра. Я думаю, в России пока не происходит интенсивного развития современного театра именно потому, что не нащупан тот путь, по которому актер может идти, — документ нельзя «играть» в привычном понимании, любое слово будет казаться ложью. Нам потребовалось 20 лет, чтобы найти эту грань в актерской игре документального спектакля.

Тропп Получается, что вы в Европе бываете чаще и больше, чем в России — за пределами Комсомольска.

Фролова Так происходит прежде всего из-за финансовых трудностей. Вот сейчас мы приглашены на

«Персональная война». Сцена из спектакля.
Фото из архива театра

«Поколение Off». Сцена из спектакля.
Фото из архива театра

«Сон Сонечки». Сцена из спектакля.
Фото А. Блажина

фестиваль «Дни немецко-русской культуры» со спектаклем «Сон Сонечки» в Хабаровск. И сумма выезда такова, что сами мы никогда не могли бы ее найти. Понимаете, если уж нам даже до Хабаровска трудно доехать, что уж говорить о далеких городах, о центре России... А в Европе у нас есть продюсер — это театр «Célestins» из Лиона. Они финансируют и организуют гастроли: наш опыт работы с документом в Европе очень востребован. Несколько лет назад Грегори Габриэль (Grégoire Gabriel), директор по обучению в Парижской Национальной Консерватории Драматического Искусства, увидел наш спектакль «Я есть» и сказал: вы должны этому научить наших студентов! И вот уже два года мы преподаем там. Уникальный случай! Из российских режиссеров до меня там преподавал только Петр Фоменко. Я приезжаю туда на два месяца в году, передаю свою методику, ставлю спектакли.

Тропп Вы учите студентов-актеров или режиссеров?

Фролова И актеров, и режиссеров. В этом году я с выпускным актерским курсом делала «Преступление и наказание», и молодого студента — Жюльена Фрисона (Julien Frison), который играл Раскольникова, после спектакля пригласили в труппу «Комеди Франсез». Это редчайший случай для студента — попасть в самый известный театр Франции.

Тропп Вы преподаете на французском или у вас есть переводчик?

Фролова Мы работаем с театроведом и профессиональным переводчиком Мариной Абельской, она уже давно живет в Париже.

Тропп Это что-то невероятное. Вы, получается, такой посланник российской режиссуры в Париже...

Фролова Спектакль «Я есть» в 2014 году, по мнению французского театрального критика Эдит Раппопорт (Edith Rappoport), занял первое место в десятке лучших спектаклей, показанных во Франции. Стоял выше, чем спектакль Питера Брука...

Тропп Вы в хорошей компании... А есть ли возможность сделать так, чтобы ваши спектакли видели не только за границей, но и на российских фестивалях?

Фролова Не знаю... Мне кажется, проблема в том, что нас «не считают». Помните, как индейцы не видели приближающихся кораблей Колумба, так как не имели представления о них? В России привыкли к другому театру, а мы идем дальше. Критика опаздывает с пониманием. Когда мы в 2006-м привезли в Москву документальный спектакль «Моя мама», Марина Давыдова сказала, что это неактуально — никому не интересна ординарная жизнь ординарной женщи-

ны, нужно же брать большие метафизические смыслы... Хотя во Франции этот спектакль был принят как нечто новое и свежее для них. Зато сейчас, спустя десять лет, Марина говорит именно о «простом» человеке на сцене. Мы немного опережаем ожидания критики, оставаясь для нее «невидимыми», как те колумбовские корабли...

Тропп Марина Разбежкина говорит о том же — в документальном кино.

Фролова Обожаю Разбежину! Будь у меня возможность, я бы поехала к ней учиться.

Тропп Но ведь в российском театре идут самые разные процессы, обновляющие его облик. Есть Серебренников, Богомолов, Волкострелов... Вы ни на кого из этих режиссеров не похожи?

Фролова Мне сложно судить об этом самой, но, судя по тому, что пишут и говорят о нас люди, — КНАМ имеет свой неповторимый стиль... Мы так далеко от всех, мы там как... заваленные лавиной.

Тропп Вы сейчас занимаетесь исключительно до-театром?

Фролова С 2000 года — да. Мне надоело заниматься пьесами — это легко, как будто уже и не работа. В пьесе ведь все написано. А при работе с документом надо создать целый мир. И способ работы со зрителем тоже надо создавать каждый раз заново. И вот что меня удивляет — реакция на наши спектакли, что в Европе или в Азии, что в Комсомольске, — одинаковая... Люди чувствуют все на невербальном каком-то уровне... даже далекие от культуры люди понимают, что с ними не играют...

Тропп Значит, такое восприятие спектакля не связано с какой-то конкретной социальной ситуацией Комсомольска, раз это понятно и в Швейцарии тоже?

Фролова Нет! Хотя мы, конечно, всегда используем местный материал, потому что это то, чего нет нигде в мире, — город, до сих пор застрявший в СССР, в океане тайги, снег, долгая зима — это входит в кровь. Наш человек — очень «сжатый», он всегда вынужден бороться с холодом, с суровым климатом. То, что мы живем так далеко от культурных центров, — это тоже большая проблема. Для иностранцев наше расположение — театр, существующий практически в лесу, — вообще кажется невероятным!..

Тропп Расскажите о ваших новых спектаклях.

Фролова «Сон Сонечки», спектакль 2015 года, это история попытки суицида девочки Сони из Хабаровска, которую мы соединили с рассказом Ф. М. Достоевского. Соня провела 9 дней в коме и только благодаря любви ее матери вернулась. И здесь есть одна уникальная деталь, которая тогда меня потрясла: когда Соня открыла глаза, то попросила принести ей Достоевского, потому что она не дочитала какой-то его роман. Она знала, что выход из комы может быть мимолетным, поэтому ей хотелось успеть дочитать его перед возможной смертью...

Тропп Это реальная история?

Фролова Да. Она выжила, вскоре я взяла у нее интервью, мы работали и со свидетельствами ее мамы. И в тот момент, когда она рассказала о Достоевском, я сразу поняла, что буду снова делать «Сон смешного человека». Так мы соединили документальную историю и художественный текст, и это производит впечатление.

В августе 2016 года мы выпустили спектакль «Поколение офф». На сцене — 12 молодых людей, жителей Комсомольска-на-Амуре, рожденных в 90-е. У меня давно была мечта поговорить об этом поколении, ис-

следовать — что с этими людьми происходит, почему они так «обездвижены». Такие «люди-детки». У них нет ярко выраженной мотивации, они как бы говорят нам всем «fuck»... Мы, поколение 60-х, загадили планету, погрязли в потреблении, а они отстранены, они не хотят в этом участвовать. Трагическое поколение...

И прямо сейчас мы делаем спектакль о настоящем России, рабочее название «Застрявшая в моих венах». Страна СССР, из которой мы родом, исчезла... Но что-то застряло в моих венах, то, чему я не могу найти объяснения... Почему прошлое так влияет на нас, почему оно отражается на детях? Мы — как и они — просто ждем. Не двигаемся. В нас продолжает жить прошлое: СССР, бабушки, дедушки, вечный страх всего — это никуда не исчезло, это не дает двигаться.

Тропп «Застрявшая в венах родина». Серьезный образ. Страшный...

Фролова Я вообще всю жизнь боюсь. Здесь, на Сахалине, люди немного другие. Они более свободные, они меньше боятся. Наверное, потому, что дальше ссылать уже некуда! У нас в Комсомольске народ жутко боится. Каждый — каждого. И еще я уверена, что мы вместе с социализмом выкинули случайно и ту человеческую общность, которая у нас была. С водой выплеснули ребенка...

Спектакль только-только рождается, а нас уже пригласили на фестиваль в Берлин, в апреле. Но спектакля пока нет, он еще плавает в образах... Это так страшно! Каждый спектакль — это так страшно, если бы вы знали!

Тропп Мы встретились на Дальневосточном театральном форуме, в рамках которого прошла драматургическая лаборатория. Были созданы эскизы документальных пьес, драматурги работали с детьми, подростками и взрослыми Южно-Сахалинска. Как вы можете оценить такой шаг репертуарного театра?

Фролова Можно только приветствовать! На Дальнем Востоке это первый подобный «выстрел». Сегодня работа с документальным материалом — самая перспективная вещь в мире. Театр переживает кризис, особенно тот, который работает для усредненного зрителя. Современный театр все время «кланяется» взрослым, но теряет молодежь, а самое главное — подростков. Резкое неприятие театра подростками — это проблема и в Европе, не только у нас. Им скучно, неинтересно, это не их язык... А на спектакли КНАМа толпами идет молодежь. Работа с документом в этом контексте — обнадеживающий тренд. Здорово, что у сахалинского театра хватило интуиции и они активизировали этот процесс — ведь это не просто модно, это еще и огромная социальная работа. Людям дан сигнал: мы начинаем открываться, мы идем к вам — Театр идет к людям. И, может быть, какой-то человек, которому вообще раньше был неинтересен этот вид искусства, узнав, что именно его интервью, его личная история вошла в спектакль, прозвучала, встала на уровень с Чеховым, — он придет в театр и не разочаруется.

Ноябрь 2016 г.